

Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы

Александр Владленович Шубин,

доктор исторических наук, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН, Москва.
E-mail: historian905@gmail.com

Проблема распада СССР по-прежнему бурно обсуждается в научной литературе и публицистике. Причины нежизнеспособности Советского Союза исследователи пытаются найти и в обстоятельствах его рождения, и в случайностях последнего года его жизни. В конце концов вопрос сводится к дилемме: был СССР уже в середине 80-х гг. обречён на распад в ближайшие годы или он мог дожить до XXI в., если бы не действия ведущих политиков начала 90-х гг.?

При всей важности генезиса СССР мы знаем, что советская система пережила несколько исторических этапов, выдержала множество потрясений, в том числе Вторую мировую войну. Это значит, что пороки, заложенные при рождении СССР, сами по себе не могли привести к его гибели. Причины распада Советского Союза необходимо искать в кризисах, с которыми система столкнулась в 80-е гг. Были ли они непреодолимы? И какова их иерархия с точки зрения важности для существования СССР?

В представленной статье обосновывается точка зрения, согласно которой распад советского государства стал результатом межэлитной борьбы за власть и ресурсы. Это противостояние и сделало остальные «болезни» смертельными для страны. Многоплановый системный кризис лишь максимально расширил свободу выбора для республиканской элиты, которая решила гарантировать себе власть путём дистанцирования от центра.

Ключевые слова: СССР, перестройка, М.С. Горбачёв, бюрократия, системный кризис.

Collapse of the Soviet Union: objective reasons and subjective factors.

Aleksandr Shubin, Center of History of Russia, Ukraine and Belorussia of Institute of world history RAS, Moscow, Russia. E-mail: historian905@gmail.com.

The problem of the collapse of the Soviet Union has been still much discussed in academic literature and social and political journalism. The researchers try to find the reasons of lack of vitality of the Soviet Union in the circumstances of its birth and in contingencies of its last year of existence. Finally, the question turns into the dilemma: was the Soviet Union in the middle of the 1980s doomed to the breakdown in the years ahead or could it survive until the twentieth century but for the activities of the main politicians in the early 1990s?

Taking into consideration the importance of genesis of the USSR, we know that the soviet system suffered from several historical stages, overcame many crises including the Second World War. It means that all defects put during the creation of the USSR couldn't bring it to the downfall. The reasons of the collapse of the Soviet Union should be searched in crises which the system met in the 1980s. Were they insuperable? What is their hierarchy from the point of view of the importance for the USSR's existence?

This article justifies the point of view according to which the collapse of the Soviet government was the result of the elites' struggle for power and resources. This confrontation made other "diseases" fatal for the country. Multidimensional systematic crisis widened in maximum the freedom of choice for the republican elite which decided to guarantee itself the power by distancing from the center.

Keywords: USSR, perestroika, M.S. Gorbachev, bureaucracy, systematic crisis.

КРИЗИС МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Говоря о причинах распада СССР, нельзя миновать тему кризиса в межнациональных отношениях. Распался бы Советский Союз, если бы среди всех проблем, с которыми он столкнулся, только межнациональные отношения дошли бы до такого накала, как в конце 80-х гг.?

Эскалация национальных конфликтов в период перестройки проистекала как из этнических, так и из иных, социальных и политических, факторов. Конфликты между соседями и стремление «убежать из СССР» во многом подпитывались экономическими проблемами. От процветания не бегут. Но и в худшие времена «дружба народов» была крепче: они либо получали от СССР больше, чем теряли, либо в дело вступали «ежовые рукавицы», либо народы сплачивались вдохновляющими население целями.

Перестройка изменила политический климат внутри страны, задала международному имиджу СССР более высокую планку, которая уже не позволяла применять массированное насилие при подавлении волнений. Теперь санкции на применение войск и массовые аресты активистов национальных движений должны были быть обоснованы более тщательно. Естественно, это облегчило развёртывание последних. Но их успехи были бы невозможны, если бы националистическая агитация не вызывала отклика в широких слоях населения. То, что демократизация способствовала подъёму национальных движений, ещё не позволяет объяснять политикой перестройки сам факт роста межнациональных конфликтов в 80—90-е гг. Ведь причины этого процесса проявляли себя до того, как реформаторское руководство КПСС приступило к демократизации государственного строя.

Собственно, новый подъём национальных движений начался уже при Л.И. Брежневе (Тбилиси в 1978 г., Орджоникидзе в 1981 г.). Однако тогда удавалось справиться с волнениями без кровопролитных столкновений.

С другой стороны, во время перестройки вовсе не существовало «вседозволенности», национальных лидеров арестовывали (как, например, комитет «Карабах» в декабре 1988 г.). А в 1990 г. союзное руководство не остановилось перед применением силы в Азербайджане, что было спокойно воспринято странами Запада. Это значит, что более свободный режим перестройки сам по себе не объясняет роста национальных движений и экстремизма. У этно-национального кризиса была своя логика развития, которая наложилась на события перестройки¹. При создании СССР межнациональные конфликты были заморожены, но не преодолены с помощью системы национально-территориальных образований (союзных и автономных республик и округов), главной задачей которых в рамках советской империи было поддержание национальной культуры и продвижение национальных кадров. Эта этно-государственная структура привела к синтезу собственно этнических проблем с социально-политическими, но временно удовлетворила национальные чувства части народов СССР, обеспечив относительную защиту их национальной культуре в условиях индустриальной модернизации. Некоторые исследователи даже считают, что «политика создания национальных кадров и национальной интеллигенции» создавала «мощные предпосылки для развития национализма» [7, с. 37]. Однако альтернативой для этих «мощных предпосылок» было подавление и растворение национальной культуры и национальной элиты, поскольку она противостояла индустриальной унификации, «плавильному котлу» модернизации. В той степени, в которой эти процессы существовали в СССР, они тоже были причиной усиления национального противодействия модернизации. Для 20—70-х гг. такая структура оказалась вполне удачной, но затем столкнулась с новыми обстоятельствами, в которых повела себя по-другому.

Союз по-прежнему представлял собою образование из слишком разнородных элементов: в нём сосуществовала индустриальная цивилизация в европейской и североазиатской частях страны и среднеазиатские общества, только-только выходящие из классического доиндустриального состояния. Разные стадии развития проходили народы, живущие вокруг Кавказского хребта. Если бы противоречие между этими «блоками» было решающим, то СССР распался бы иначе: основной разлом проходил бы по линии к северу от Кавказа (это и сейчас является большой проблемой уже для Российской Федерации) и по границе РСФСР и Казахстана. Но данное направление при коллапсе СССР было вторичным, «мотором» развала стала Балтия и Украина, а сам распад свершился решением лидеров России, Украины и Белоруссии, которые действовали в союзе между собой. Это нечто совсем иное, чем крушение империи, продиктованное межэтническими и междивизиационными конфликтами.

¹ Подробнее о состоянии межнациональных отношений в первой половине 80-х гг. см.: [26, с. 134—146; 27, с. 249—261].

Сказанное не означает, что указанные конфликты вовсе не сыграли роли в ослаблении СССР. Но в этом отношении этно-культурные факторы были тесно связаны с социально-стадиальными. После того как в центральных регионах СССР практически завершился процесс формирования городского индустриального общества, изменился и вектор развития национальных культур: они начали проходить фазу своего рода вторичного этногенеза, когда часть населения стала всё более ясно осознавать важность своей принадлежности к конкретной этнокультуре, в то время как другая часть отождествляла себя со «сверхнацией» — «советский человек» (стереотипы советского человека заметно преобладают, например, у М. Горбачёва). Любопытно, что аналогичный процесс проходил начиная с 60-х гг. в США, когда всё большая часть «американцев» различного происхождения стала ощущать себя китайцами, ирландцами, евреями и т.д. «Плавильный котёл» единой сверхнации, в котором исчезают этнические образования, сменяется «салатницей», в которой каждая из перемешавшихся на данной территории национальностей сохраняет и оберегает свою идентичность.

В условиях становления индустриального общества, когда действует механизм «плавильного котла», растворение этнической идентичности в более широкой общности («американец», «советский человек» и др.) большинством не воспринимается как трагедия. Но на новом витке развития культуры и социума, когда индустриальное общество достигло своего пика и приблизилось к полосе кризиса, возникает стремление к своеобразию, а не стандарту, усиливается интерес к национальным корням, поиск собственной идентичности, в том числе национальной. Каждый человек выбирал сам, кто он в большей степени — носитель советской или национальной культуры. И это самоопределение не было непосредственно связано с идеологическим выбором. Человек мог быть недоволен политикой КПСС и критиковать местное руководство за национализм, а мог из-за недовольства проводимой политикой сам стать националистом.

Национальная консолидация становилась важным фактором социальной жизни СССР, и региональные кланы элиты уже задумывались о возможности использовать «национальное возрождение» в целях борьбы против центра за расширение своих полномочий.

Рост национального самосознания и — одновременно — усиление социально-бытовых конфликтов, облечённых в национальную форму, вели к оттоку русского населения из национальных республик, к ослаблению и изменению состава «клея». За пределами России в 1959—1969 гг. проживал 31% русских, в 1970—1978 гг. — 12%. Авторы исследования «Население России 1993 г.» констатируют: «Отток русского (русскоязычного) населения из большинства республик бывшего Союза начался задолго до „перестройки“ и быстро нарастал» [12, с. 64—65].

Как только обстановка в стране стала более свободной, разновекторные межнациональные конфликты вышли на поверхность. Однако это

не значит, что в условиях укрепления авторитарного режима эти разногласия не реализовались бы в ещё более разрушительной форме.

Политика М.С. Горбачёва во многих отношениях придала импульс этно-национальным процессам, но их направление было «запрограммировано» более ранними противоречиями. Развернувшиеся в СССР конфликты типологически тяготеют к двум классическим моделям: прибалтийской и кавказской (где в качестве своей «классики» выделяется армяно-азербайджанский конфликт). Первый вариант характеризуется постоянным стремлением к дистанцированию от центра (вплоть до независимости), тяготением к вестернизации и относительной ненасильственностью действий. Второй — многосторонностью конфликтов (союз — центр, республика — республика, республика — автономия, автономия — этническое меньшинство, представляющее союзную республику) и сочетанием массовых ненасильственных и насильственных, в том числе вооружённых, действий.

В этно-национальных конфликтах периода перестройки действовали две основные силы: во-первых, эмоциональная массовая народная стихия, ведомая радикальными маргинальными элементами и национальной интеллигенцией, для которой национальная культура в силу мировоззрения, а иногда и специальности была главной ценностью; во-вторых, прагматичная республиканская номенклатура, оказавшаяся под давлением массовых выступлений, но готовая при случае использовать её в своих интересах.

И союзный центр, и республиканские лидеры пытались играть сдерживающую роль, что вело к падению их авторитета по мере углубления конфронтации. Этнолог С.В. Чешко считает, что остановить кризис можно было бы, «положив предел „свободомыслию“, и при этом «пресечь дискуссии о необходимости „оптимизации“ этнотерриториальных границ» [24, с. 329]. Правда, автор не объясняет, каким образом необходимо было «табуировать», «положить предел» и «пресечь дискуссии» в условиях массового распространения самиздата и роста контактов между оппозиционными группами по всему СССР. Это возможно лишь при полном подавлении гласности, что, в свою очередь, привело бы к изоляции власти от интеллигенции и гражданской конфронтации со всеми вытекающими последствиями.

Исследователи сходятся на том, что М.С. Горбачёв длительное время не имел связной национальной политики и действовал рефлекторно: «Взаимоотношение Горбачёва с национальным вопросом заключалось не столько в формулировании целостной национальной политики, сколько в реакции на каждый новый этнический кризис по мере того, как он возникал. В этом проявлялась тенденция относиться к каждому кризису как к отвлечению от главных задач экономической перестройки, гласности и демократизации, с помощью которых, преимущественно, и можно было

устранить этнические волнения» [30, р. 14]. Однако изначально у М.С. Горбачёва была своя позиция по национальным проблемам, и заключалась она в том, что национализм не просто «отвлекает» от других реформ, но и противостоит им. Ведь с 1986—1987 гг. М.С. Горбачёв стремился к созданию единого рыночного пространства, регулируемого из единого центра, и к расширению гражданских прав, а не к замене центрального бюрократического управления региональным и преобладанию прав этноса над правами личности. До 1990 г. последний лидер СССР утверждал, что конфликты в республиках имеют социальный характер и национальную «окраску». Не имея внятной стратегии, Горбачёв постоянно опаздывал.

Однако, если говорить об объективной опасности национальных движений для целостности СССР, то ситуация и в 1990 г. выглядела относительно спокойной. Если Прибалтика и Грузия уже в начале 1990 г. взяли курс на восстановление независимости, то на остальной территории СССР ситуация была более сложной. В России подавляющее большинство населения и политиков ни о какой независимости от СССР не помышляли. Лозунги национально-сепаратистского толка, выдвигавшиеся, например, Демократическим союзом, остальной части общественности казались абсурдными. Близкой была ситуация в Белоруссии. На Украине «самостийники» представляли меньшинство, что подтвердил даже референдум 17 марта 1991 г. В Закавказье СССР имел сильные «точки опоры» в лице автономий Грузии, мог играть на противоречиях Армении и Азербайджана. Средняя Азия сохраняла относительное спокойствие и оставалась резервом консерватизма. Таким образом, при всей опасности национально-сепаратистских движений для структуры СССР, сами по себе они не обладали достаточными силами для разрушения государства. Они могли привести лишь к сокращению его территории в Балтии и Закавказье, но не более.

Не случайно и те авторы, которые считают, что «непосредственной силой, приведшей к распаду СССР, были национальные движения», вынуждены включать в их число и «движение за российский суверенитет» [7, с. 42]. Но последнее как раз и не было собственно национальным, так как в РСФСР не было сформировано собственно российской нации как гражданской целостности. Несмотря на то, что российское демократическое движение использовало национальные идеологемы наряду с другими, первичны были всё же демократические и западнические.

Безусловно, в тяжёлой социальной ситуации 1988—1991 гг. этнические конфликты заметно осложнили положение союзного центра, показали его неумение решать сложные проблемы, которые встали перед страной. Но, приняв затяжной характер, превратившись в «ноющие раны», многие из которых существуют до сих пор, эти конфликты сами по себе ещё не вели к распаду СССР. Советский Союз тяжело страдал от этой болезни, но это не значит, что именно она оказалась смертельной.

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС: ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ВЕСТЕРНИЗАЦИИ

Насколько реформы, начатые М.С. Горбачёвым и переросшие в революционный процесс, предопределили распад СССР? Или эти события могли развиваться в рамках единого государства и завершиться без его разрушения?

Результатом выбора М.С. Горбачёвым альтернативного пути стал антиведомственный курс 1985—1991 гг. [25, с. 129—136, 195—220, 296—315]. Он имел две выраженные составляющие: «местническую» (усиление региональных кланов) и «рыночную» (усиление самостоятельности директорского корпуса). Этот курс привёл к резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно её «второго эшелона»), демонтажу отраслевой системы управления экономикой и росту самостоятельности хозяйственных субъектов при сохранении их монополистического характера. На поверхность социально-политической жизни вышли мощные этнические, популистские и гражданские движения, на некоторое время была достигнута свобода слова и самоорганизации.

При всех недостатках варианта реформ, который определялся интересами стоявшей за М.С. Горбачёвым коалиции, эта альтернатива отличалась от других большей гибкостью. Синхронность протекавших в стране разрушительных процессов была нарушена регионализмом и плюрализмом курса М.С. Горбачёва, что спасало страну от резонанса кризисов, широкомасштабной катастрофы, аналогичной революционной эпохе 1917—1922 гг.

Однако «местничество», стимулированное политикой руководителя страны, ослабляло конструкцию СССР в целом. В то же время оно усиливало не только республиканские номенклатурные группы, но и областные (в составе республик), что делало связь «местничества» с распадом СССР не столь однозначным: если бы решающей была роль областных группировок номенклатуры, то СССР распался бы на 15 частей, а не на несколько десятков.

Сама концепция реформ, избранная М.С. Горбачёвым и его командой, оказалась крайне затратной для государства. Распад экономических связей, политико-правовая неопределённость и перемещение фондов предприятий в коммерческие структуры привели к обострению экономического кризиса, который вместе с нарастанием дефицита бюджета, естественно, способствовал именно центробежным тенденциям. Центр воспринимался как источник социально-экономических бедствий, избавление от него — как избавление от трудностей [27, с. 92—105, 282—283, 398—402].

В ходе подъёма демократического движения формировалась и укреплялась структура гражданского общества, вытеснявшая власть партийно-государственной номенклатуры. Гражданские движения в большинстве

регионов, в том числе и в России, вступали в конфронтацию с региональными кланами элиты. В то же время гражданские структуры, как правило, были всесоюзными. В этом отношении они были фактором, который скорее консолидировал советское пространство, чем раскалывал его.

Р.А. Медведев, отрицающий наличие в СССР революционного процесса, сильных национально-освободительных движений и даже забастовок рабочих (хотя не заметить их достаточно сложно), считает главной причиной коллапса СССР «упадок идеологии» [8, с. 251—254]. Бесспорно, в условиях отмены репрессивных механизмов поддержания монополии коммунистической идеологии она показала свою беспомощность в конкуренции с другими идейными течениями — социалистическими, консервативными и либеральными. Это объяснило бы крушение коммунистического режима, но не распада СССР. Смена режима и доминирующей идеологии вовсе не обязательно вызывает разрушение государства. Многие империи пережили по несколько культурно-идеологических сдвигов. Идеологические перемены сами по себе не могут объяснить распад СССР, но они тесно связаны с крахом существовавшего режима, вместе с которым рухнуло и государство. Справедливо ли такое объяснение?

Как отмечают и консервативно-коммунистические, и радикально-либеральные авторы, вытеснение КПСС из управленческих структур, потеря монополии на власть коммунистической партией, которая «являлась главным цементирующим элементом СССР», способствовали «тому, что распад СССР приобрёл „галолирующий“ характер» [20, с. 101]. Но и здесь стоит отметить, что связь между ослаблением позиций КПСС и коллапсом СССР не столь очевидна. Во-первых, даже практически полное сохранение власти за коммунистическими структурами в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане не сделали эти республики оплотом горбачёвского центра. «Галолирующий характер» распад СССР принял в большей степени из-за противоречий внутри коммунистической бюрократии как «цементирующей силы». А эти противоречия родились не с перестройкой. Они нарастали весь период застоя. Перестройка в этих условиях стала не причиной, а сигналом для усиления соперничества и автономизации кланов партийной бюрократии. «К концу 1990 г. сложилась ситуация, когда каждый уровень партийной власти вёл собственную обособленную жизнь, исполняя указания „сверху“ так и в той мере, в какой считал для себя необходимым» [10, с. 101], — констатирует В.П. Мохов. КПСС как ключевая система координации всех процессов в обществе была опасна для государства: распад КПСС, инициированный как радикалами, так и консерваторами, сопротивлявшимися реформам, вёл и к распаду координируемых структур. Р.А. Медведев для доказательства связи распада СССР и КПСС прибегает к такому образу: партия «оставалась главной несущей конструкцией Советского государства...» [8, с. 253]. Но в 80-е гг. КПСС была уже не столько несущей конструкцией, сколько главным грузом, который давил на другие структуры и к тому же разрушал их, разрушаясь сам.

Поэтому освобождение общества от такой опасной «руководящей и направляющей силы» был для него дорогой к спасению. Однако этот путь имел свои недостатки: гражданское общество только формировалось, а реформы М.С. Горбачёва не создавали иной, альтернативной КПСС, системы координации. Принятое на XIX партконференции решение о совмещении постов партийных и советских руководителей привело к перекачке административного ресурса и наиболее активных партийных кадров в советские структуры. Это способствовало усилению противоречий в партийной элите (часть её не прошла по выборам), частичному обновлению административных кадров при сохранении их номенклатурной структуры. Сделав ставку на Советы, М.С. Горбачёв в то же время не выстроил систему координации советских органов и структур президентской власти. Новая система Советов формировалась фактически как антипрезидентская, что в условиях 1990—1991 гг. никак не способствовало консолидации государства.

В отсутствие силы, которая могла бы не только вытеснить коммунистические структуры, но и заменить их в управлении государством, усиление позиций региональных кланов бюрократии продолжалось, несмотря на частные поражения от «демократов». Ответом на наступление последних стал переход части бюрократии на сторону «демократов» и национальных движений.

На деле этот переход привёл к тому, что само «демократическое движение» оказалось под контролем бюрократических элит. Основным мотивом региональных кланов были не демократические и национальные ценности, а перераспределение власти и собственности в свою пользу. Но именно этот фактор распада СССР имел решающее значение, так как серьёзно усилил все остальные. Региональные номенклатурные группировки восприняли выработанный национальными движениями лозунг суверенитета как политическое орудие в борьбе за автономию против центра и тем значительно усилили национально-сепаратистские движения и ослабили сопротивление им со стороны Москвы. Стало очевидно, что целью противоборства является собственность, в которой и заключается основа союза националистов и «демократов» в борьбе с центром. Проблема заключалась в том, кто и на каких условиях получит «общенародную» собственность. Борьба за власть как позицию, определяющую результаты раздела собственности, и стала основой союза национальных элит и лидеров «демократического» движения.

В 1990—1991 гг. лидеры коммунистических партий большинства союзных республик решили, что им выгоднее быть независимыми от союзного центра и руководства КПСС во главе с М.С. Горбачёвым. Поэтому даже там, где национальные движения не имели поддержки большинства населения (как на Украине и в Белоруссии), республики начали проводить политику «суверенитета», установления регионального контроля над экономикой и ресурсами. Это привело к тому, что экономические

связи в СССР начали распадаться. С осени 1990 г. республики стали ограничивать перечисления в союзный бюджет, что, собственно, и привело к банкротству СССР — результату, который США тщетно пытались достичь в 1981—1986 гг. Даже падение цен на нефть не имело такого сокрушительного значения, как самостоятельность региональных бюрократических кланов и «первоначальное накопление» частного капитала за счёт государственных предприятий.

Если регионализация и борьба за собственность были социальным «базисом» процесса распада СССР, то действия российского руководства стали его движущей силой, значение которой превосходило действия региональных сепаратистов, так как удар наносился в самый центр имперской структуры. В силу её централизованного характера этот удар оказался сокрушительным. Империя продолжает существовать при отпадении отдельных провинций, но автономизация географического центра ведёт либо к её распаду, либо к превращению в федеративное государство.

При том что российское руководство в большей степени опиралось на региональные кланы номенклатуры, его социальная основа была шире. «Демократическому движению», лидером которого с 1990 г. стал Б.Н. Ельцин, удалось возглавить и повести за собой значительную и наиболее массовую часть гражданского общества. Объединяющей идеей этой социально-политической силы (в отличие от гражданского движения 1988—1989 гг.) стала вестернизация. Широкое распространение западных идей было результатом целого ряда обстоятельств: неудача реформ в духе демократического социализма (в их горбачёвском исполнении), стремление наиболее динамичной части коммунистической элиты к захвату собственности в ходе приватизации, благополучное положение стран Запада, контрастировавшее с постигшим СССР кризисом и сформированная коммунистической идеологией привычка сравнивать положение в СССР с передовыми, а не среднеразвитыми и отсталыми капиталистическими странами. В этих условиях лидирующие в «демократическом движении» политики и информационные структуры стали выступать за переход к социальным формам западных обществ, который даст в России якобы те же плоды, что и в США, и Западной Европе.

Ориентация на вестернизацию сделала лидеров «демократического движения» естественными союзниками западных государств, что в условиях завершения холодной войны (когда эти государства уже не считались внешним врагом) дало действиям российских лидеров поддержку на международном уровне. В этих условиях внешний фактор приобрёл новое значение: образовалась коалиция государств Запада и сторонников вестернизации, которая позволяла закрепить изменения структуры СССР на международном уровне. Это создало серьёзный соблазн воспользоваться поддержкой мирового сообщества в таком преобразовании СССР, которое вовсе исключало бы союзные власти из расстановки политических сил.

Вестернизация была связана с внешнеполитическими трудностями Советского Союза. Широко распространена версия о том, что СССР распался, потому что «проиграл холодную войну». Это объяснение — отдельная тема. Можно выделить две трактовки. С одной стороны, Запад подорвал экономику СССР. Однако сравнение известных мер антисоветских экономических кампаний государств НАТО не подтверждает такую версию [27, с. 16—22]. С другой стороны, политика «нового мышления» привела к падению коммунистических режимов в Восточной Европе. Это снижало нагрузку на СССР и в 1989—1990 гг. трактовалось как прекращение холодной войны на взаимовыгодной основе [27, с. 303—313]. Уже в 1990 г. уровень отношений между СССР и странами Запада вернулся к состоянию до холодной войны, и её вспоминали лишь для того, чтобы провозгласить окончание, как это сделал президент Дж. Буш, объявив о своей победе в этой войне после распада СССР, и президенты Б.Н Ельцин и Дж. Буш, заявив о её прекращении в 1992 г. В таких пропагандистских заявлениях не учитывается факт, что в 1990—1991 гг. признаки холодной войны уже исчезли. Так это воспринималось и в советском обществе. СССР распался после окончания холодной войны по внутренним причинам, под воздействием процессов, происходивших в обществе и правящей элите. При этом решающие факторы, которые привели к распаду СССР, заработали в полную силу именно тогда, когда завершилась холодная война — в 1990 г.² Можно найти свидетельства поддержки Западом оппозиции СССР как таковой (хотя роль этой поддержки и не была решающей в успехах оппозиции [28, с. 300—304]). Но пока не найдены доказательства, что лидеры Запада хотели отделения Украины и Белоруссии от государства, управляемого из Москвы. Скорее, они этого опасались.

В любом случае вестернизация, которую поддерживал Запад и на сторону которой перешли наиболее влиятельные лидеры оппозиции и массы её актива, напрямую не вела к распаду СССР. Он мог остаться вестернизированным, но единым (хотя и сократившимся в размерах) государством.

Таким образом, среди объективных факторов, способствовавших дезинтеграции СССР, можно назвать социально-экономический кризис, этноконфликты и внешнеполитические проблемы. Однако все они лишь ослабляли конструкцию государства, но даже в совокупности не вели к его фатальному распаду. Этноконфликты развивались прежде всего на периферии Союза, а не в треугольнике Москва — Киев — Минск, где в декабре 1991 г. был решён вопрос о роспуске СССР. Периферийные этноконфликты характерны для всех существовавших в прошлом империй, и проходили века, прежде чем они распадались. Те конфликты, которые нарастали в СССР в 1988—1990 гг. и фактически стабилизировались

² Американский посол Дж. Мэтлок датирует окончание холодной войны даже 1989 г., то есть за два года до распада СССР [11, с. 547].

к середине 1991 г., могли привести к сокращению территории государства, но не к его полному распаду. Внешнее давление на СССР, связанное с холодной войной, также ослабевало — в 1990 г. она фактически прекратилась.

Социально-экономический кризис был наиболее тяжёлым объективным фактором, воздействовавшим на ситуацию. Но нельзя забывать, что социально-экономические кризисы происходят в истории всех государств и, как правило, не ведут к их разрушению.

Реальные события 1988—1990 гг. указывали лишь на неизбежность сокращения территории СССР, но не на полный его распад, когда Москва, Киев и Минск окажутся в разных государствах. Исход драмы 1991 г. зависел от конкретных шагов и личных решений таких лидеров, как М. Горбачёв, Б. Ельцин, Л. Кравчук, Н. Назарбаев и др.

ВЫДВИЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В РОССИИ

До середины 1989 г. дискуссия сторонников и противников усиления республиканской власти в РСФСР велась вяло. Но её оживили «патриоты», которые помогли «расставить точки над і». На съезде народных депутатов известный лидер «патриотов» писатель В. Распутин сделал заявление, серьёзно повлиявшее на настроения оппозиционных интеллектуалов: «Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас... Здесь, на Съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путём добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести распорядитесь сами своей судьбой. Но по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете её, и если её слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие» [13, с. 458—459]. Впервые слова о выходе России из состава Союза были сказаны с высокой трибуны. Идея развала СССР через Россию не была «подброшена» с Запада, не была озвучена «демократами». Она была выдвинута «патриотами», заявлена с сильной демагогической аргументацией («помогло бы решить многие проблемы»), с готовой идеологией «россияне», которую легко было противопоставить «советским людям», сплывавшая против советской идентичности русских и нерусских жителей РСФСР.

Два года спустя, когда вполне проявилось значение призыва к выходу России из СССР, её «независимости от самой себя», В. Распутин так

разъяснил смысл своего выступления 1989 г.: «Угрозы выйти из Союза и оставить Россию у разбитого корыта раздавались неоднократно. Послушать — будто только она одна, расталкивая без стеснения всех остальных, и кормилась до отвала у этого корыта, будто не разделила она общей участи и даже не пострадала больше... Рядом со случайными выкриками просматривалась и продуманная объединённая тактика расчленителей Союза — с краёв отваливать действиями „народных фронтов“ (опять „народные“ и опять захватом), а в центре расшатывать опоры государственного здания...

В такой обстановке и прозвучал мой вопрос, в котором имеющий уши услышал не призыв к России хлопнуть „Союзной“ дверью, а предостережение не делать с одури или сослепу, что одно и то же, из русского народа козла отпущения» [9]. Но в 1989 г. писатель говорил не о русском народе, а «рожал» новую идентичность «россиян». Его «предложение» многие приняли за чистую монету, в том числе и его соратники.

«Патриоты» стали азартно раскручивать идею суверенитета российской государственности над союзной. И здесь они нашли активных сторонников в среде номенклатуры. На Пленуме ЦК КПСС 19 сентября, в разгар обсуждения национального вопроса, когда ораторы гневно обличали сепаратистов, секретарь Смоленского обкома КПСС А. Власенко заявил: «Крупнейшая в стране республика — Россия — находится в условиях финансовой, ценовой, экономической дискриминации» [1, с. 138]. Если раньше наступление на Союз шло с окраин, то теперь удар наносился в самый центр. Оказалось, что СССР — империя без метрополии. Государство, в котором центральные регионы считают себя угнетаемыми, существовать не может. Это было самое начало агитации за «освобождение» России от самой себя. Как и в случае с речью В. Распутина, консерваторы таким образом противопоставляли свои претензии претензиям национальных элит. Но теперь они говорили всерьёз. Российское почвенничество привлекло на свою сторону значительную часть консервативно настроенной номенклатуры, разочаровавшейся в коммунизме. В ходе предвыборной кампании 1989—1990 гг. лозунг борьбы за интересы России в ущерб интересам Союза будет закреплён. Столкнувшись с угрозой превращения российских органов власти в оплот националистической «реакции», «демократы» принялись перехватывать лозунги «патриотов». Риторика борьбы за суверенитет Российского государства позволяла «демократам» наконец снять противоречия с прибалтийскими националистами и выработать новую стратегию борьбы против горбачёвского руководства как против союзного центра. Охранители и «либералы» превращались в объективных союзников в деле разрушения СССР.

В полный рост вопрос о российском суверенитете встал именно в связи с перспективой выборов 1990 г. Считалось, что контроль над ситуацией сохранится за союзным центром. Москва и Россия станут подчинёнными

площадками. Перед кандидатами встал вопрос: куда баллотироваться — в местные или республиканские органы? С точки зрения перспективы сохранения СССР как единого государства (демократизированного и либерализированного), следовало бороться за места в облсоветах и горсоветах. РСФСР при такой перспективе оставалась рудиментом коммунистической системы. Многие лидеры оппозиции так и планировали свою предвыборную кампанию. Но не все.

Г.О. Павловский вспоминает: «Где-то летом-осенью 1989 г. мы обсуждали с Олегом Румянцевым — куда лучше идти Ельцину — на Моссовет или в отстойный российский парламент. Румянцев сказал, что скорее — второе. Сама идея, что можно сделать российский парламент чем-то значимым, выглядела революционной.

Сам Ельцин первоначально склонялся к Моссоветскому варианту»³. Колебания Ельцина были связаны не с выбором либеральных интеллектуальных центров, а с соперничеством в его окружении⁴. За «московский вариант» выступала команда во главе с доверенным лицом на выборах 1989 г. В. Митиной [23, с. 240]. В избрании Б. Ельцина не от Москвы, а от российской провинции была заинтересована свердловская группа поддержки, где лидирующую роль играл депутат Г. Бурбулис. В это время он увлёкся «русской идеей» неожиданным для «демократического» депутата образом. В августе — сентябре Бурбулис принял участие в подготовке съезда Объединённого фронта трудящихся РСФСР [2, с. 96]. А в документах этой организации идеи создания самостоятельных российских структур были уже вполне заметны [19, с. 30].

В последний момент Бурбулис отмежевался от ОФТ, поняв, что сближение фронта и МДГ невозможно. Но он не расстался с заразной «русской» идеей. Её раскрутка российскими «патриотами» и прибалтийскими националистами толкала в эту сторону и «демократов».

Вес идеи «русской игры», которую сначала в частных разговорах даже называли «русской», резко вырос, когда возникла угроза превращения РСФСР в оплот консервативно-«патриотических» сил. Страх русского шовинизма, получающего поддержку в структурах РСФСР и начавшей тогда создаваться компартии России, склонил часть либералов и окружение Ельцина к тому, что нужно баллотироваться в российский парламент.

Во время предвыборной кампании 1989—1990 гг. национальные мифы более активно использовали противники «демократов». Так, в программе Блока общественно-патриотических движений на выборах

³ Павловский Г.О. Беседа с автором. Опубликовано: [28, С. 298—299]. Разумеется, «красивую идею» придумал не Румянцев. Он в это время активно контактировал с кругом МДГ и знал, какие сценарии там обсуждаются. Идея «русской игры», как мы видели, была в копилке идей уже в 1988 г. В неформальной среде она тоже была не нова и пропагандировалась Демократическим союзом.

⁴ Как раз такие лидеры «либеральных коммунистов», как Ю. Афанасьев и Г. Попов ещё продолжали союзную игру, причём Попов занял место московского лидера демократов после того, как Ельцин сосредоточился на РСФСР.

1990 г., который выдвинул таких политиков, как В. Анпилов, И. Глазунов, С. Куняев, С. Кургинян, М. Шмаков и др., говорилось: «Советская Россия восстановит или же создаст заново собственную систему административно-хозяйственного управления, которое прекратит не предусмотренное договором о создании Союза ССР вмешательство союзных органов в дела республики» [6]. В этой формуле указывался прямой путь к развалу СССР, который позднее проделает Б. Ельцин и российский центр власти. Здесь же было сказано о том, что союзные ведомства могут действовать на территории России только с согласия её парламента, ведётся речь о региональном хозрасчёте, прекращении дотаций другим республикам. По существу «патриоты» в радикальном виде сформулировали основы экономической политики Б. Ельцина в борьбе с центром. Но им, как и перехватившим их лозунги «демократам», тогда казалось, что из экономической самостоятельности России не вытекает угроза развала СССР.

Используя прибалтийский опыт, российские «демократы» стали использовать термин «суверенитет», который приобрёл новое значение — верховенство решений республиканских и региональных органов власти над центральными. Речь, таким образом, шла не о независимости, а о демократическом переустройстве СССР. Однако термин позволял совершить смысловой сдвиг от «суверенитета» к «независимости».

Провозглашение суверенитета России 12 июня 1990 г. было поддержано и коммунистами, поскольку вполне укладывалось в «патриотическую» стратегию. Голосуя, депутаты и не подозревали, что позднее 12 июня будут называть Днём независимости России.

После провозглашения суверенитета Россией в июне 1990 г. остальные республиканские элиты предпочли выйти на тот же уровень автономии от центра. В 1990 г. начался «парад суверенитетов» — республиканские власти стремились оградить и расширить свои полномочия «суверенностью». Республиканские элиты использовали недостаточное понимание населением различий между федерализмом, конфедерализмом и независимостью. При этом «на будущее» в декларации о суверенитете включались самые широкие права, вплоть до полного государственного суверенитета. Но в 1990 г. ими не пользовались, оставляя в «запасе» в качестве угрозы центру. 20 ноября 1990 г. в Киеве Б. Ельцин и председатель Верховного совета Украины Л. Кравчук (до избрания на этот пост в 1990 г. был секретарём ЦК КПУ) подписали договор о взаимном признании суверенитетов и тесном экономическом сотрудничестве, выстраивая, таким образом, систему независимых от центра параллельных связей региональных элит. Б. Ельцин развернул борьбу за признание суверенитета республик [21, с. 186]. При двусмысленности слова «суверенитет» возникла опасность, что официальное признание нового статуса позволит республикам получить формальное право на выход из Союза. Хотя ни Украина, ни Белоруссия не ставили вопрос об этом, их лидеры были склонны шантажировать союзные структуры такой угрозой.

ФАКТОР ЛИЧНОСТИ

Традиционно объективным факторам истории отдаётся приоритет по сравнению с субъективными. Одни подразумевают движение «больших масс», другие — волю отдельных личностей. Но «большие массы» то и дело приходят в равновесие, — весы истории начинают колебаться, и в этот момент всё зависит от личностей, которых «структура момента» выдвигает на ключевую позицию.

Среди многочисленных лидеров, провозглашённых президентами в 1990—1991 гг., решающее влияние на события оказывали М. Горбачёв и Б. Ельцин. Говоря о субъективном факторе и борьбе этих двух персон, авторы обычно обращают внимание на «силу» Б. Ельцина и «слабость» М. Горбачёва. Однако такие субъективные факторы имеют объективную подоплёку. М. Горбачёв был не «слаб» вообще — иначе он не сделал бы такую впечатляющую карьеру. Он был сильнее Б. Ельцина в аппаратной борьбе, что показал не только в 1985—1988 гг., но даже в совершенно безнадёжной ситуации после августа 1991 г. Его «аппаратная сила» вызвала опасения у противников до самого конца существования СССР. Но в условиях революции эта сила оборачивалась слабостью: М. Горбачёв оказался несозвучен массовым движениям. Он имел большой опыт кабинетной борьбы, а Б. Ельцин был способен к эффективным радикальным актам, которые получали народную поддержку в условиях драматичной конфронтации. М. Горбачёв предпочитал «уговаривание», раздражая уговариваемых «округлыми», компромиссными речами, а Ельцин предлагал радикальные «простые» решения, привлекая на свою сторону протестные группы населения. Успех второго типа поведения был более вероятен в условиях революционного кризиса, но чреват деконструктивностью. Однако это не значит, что победа Б. Ельцина в любом случае означала распад Союза. Ещё в марте 1991 г. будущий президент утверждал: «Как бы ни закончился референдум, Союз не развалится. Не надо пугать людей! Не надо сеять панику в этом плане!» [3, с. 237]. Даже если эти слова были неискренни, они были адресованы массам, на которые опирался российский лидер. Демократы не желали распада Союза.

Личные противоречия между двумя лидерами, каково бы ни было их значение, опирались на идейно-политические разногласия более широких групп. Сам по себе М. Горбачёв относился к Б. Ельцину скорее с пренебрежением, недооценивая его политическое мастерство (не случайно Б. Ельцин в 1987 г. не был отправлен в качестве посла из СССР, что сняло бы «проблему Ельцина» как таковую). Однако сила Б. Ельцина оказалась в интеллектуальной поддержке радикальной интеллигенции и организационно-финансовой базе той части номенклатуры, которая сделала ставку на приватизацию. В 1990 г. организационный ресурс М. Горбачёва и Б. Ельцина сравнялся, попытки компромисса между ними провалились, что лишь усилило взаимное недоверие. Дальнейшая политическая

игра диктовалась уже не личной антипатией, а логикой противоборства социальных сил. Однако от лидеров и их окружения зависели конкретные формы принимаемых решений, что в обстановке революционного кризиса часто имеет далеко идущие последствия.

Персональный, субъективный фактор при рассмотрении событий 1990—1991 гг. формулируется в терминах «ошибок» и «вины». Ошибки М. Горбачёва, те его шаги, которые резко ослабили власть союзного президента в 1990—1991 гг., могут считаться таковыми только при условии, что другие шаги привели бы к более благоприятным для М. Горбачёва последствиям. При этом нельзя забывать, что последний генсек ЦК КПСС, в отличие от современных авторов, не «знал будущего».

Важной неудачей М. Горбачёва стала его неспособность оказать организационную помощь тем силам, которые были готовы поддерживать политический центр и реформированный Советский Союз.

В итоге значительный, в том числе электоральный, потенциал «советского народа» не имел демократического оформления, в то время как чисто консервативная составляющая центристских настроений ещё не была достаточно активна — чтобы «раскачать» консерваторов, нужны были гораздо более серьёзные потрясения, случившиеся уже после роспуска СССР. Более того, как мы видели, значительная часть консерваторов включилась в «российскую игру». Неспособность команды М. Горбачёва создать демократическую коалицию в защиту обновлённого социализма и Союза вскоре привела лидера СССР к полной общественной изоляции.

Термин «вина» относится скорее к лидерам России, Украины и Белоруссии. Несмотря на то, что в конспирологической литературе содержатся обвинения М. Горбачёва в сознательном развале СССР, пока не приведено доказательств того, что президент советского государства сознательно разрушил собственную власть.

Большое значение для расстановки сил на Украине сыграл уход в июле 1990 г. консерватора В. Ивашко с поста председателя Верховного совета УССР и приход на этот пост секретаря по идеологии КПУ Л. Кравчука. Последний брал на вооружение всё более радикальные трактовки понятия «суверенитет». В то же время он ещё в первой половине 1991 г. выступал за обновлённый Союз. Полемизируя с более радикальными националистами, он говорил: «Тогда нужно сказать откровенно: нет Союза, нет общих задач, нет общих полномочий, нет общих функций, нет общего центрального органа. Если же мы признаём наличие Союза, а он есть у нас, то он должен функционировать. Общие задачи призван решать общий бюджет». При этом структура СССР должна быть обновлена: «В основе должны лежать их [республик] интересы, интересы их народов, которые делегируют полномочия центру. Вместе с делегированием полномочий республики дают средства на осуществление этих полномочий. Центральные органы формируются через республики при их участии. Только при таких условиях мы будем иметь союз суверенных государств» [16].

Маневрируя между охранительным крылом КПУ и оппозицией, Л. Кравчук в силу личных взглядов и склонностей всё сильнее сдвигался в сторону националистов. В то же время до августа 1991 г. он не был безусловным сторонником независимости.

Л. Кравчук говорил о союзе государств, но при этом был готов признать более интегрированную форму, чем конфедерация: «Мы не должны молиться ни на федерацию, ни на конфедерацию. Новый Союз в какой-то мере будет сочетать и то и другое. В переходный период чистых форм не бывает» [17]. 24 мая 1991 г. в Ново-Огарёве будущий президент Украины всё ещё выступал за союзное государство с общим однопалатным парламентом [21, с. 241].

В декабре 1990 г. Н. Назарбаев присоединился к инициативе Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича создать ещё в рамках СССР Союз суверенных государств во главе с М. Горбачёвым [21, с. 187]. Но всё же в мае 1991 г. в Ново-Огарёве Н. Назарбаев произнёс прочувствованную речь за Союз: «Все республики убедились, что в одиночку выкарабкаться будет невозможно без больших потерь. Надо договориться, что мы к 1 июля подпишем Союзный договор. Сказать об этом публично, чтобы народ нас контролировал. Заявление „9+1“ воспринято во всём мире хорошо. Отношение к нам стало, как к нормальным людям, а не взбесившимся. Все объединяются, а мы, имея 75-процентную интеграцию, разбегаемся» [21, с. 243].

Таким образом, от конкретных кадровых решений могла зависеть позиция лидеров большинства республик. Только в Прибалтике и Грузии процесс выхода из СССР с 1990 г. носил необратимый характер. Позиции остальных республик определялись сложной борьбой номенклатурных групп, в большей или меньшей степени подверженных влиянию национальных движений. Используя их идеи в борьбе с центром за большую долю власти и контроля над ресурсами, республиканские руководители, даже такие, как Л. Кравчук и С. Шушкевич, исходили в своей политике из перспективы сохранения Союза.

ИДЕЯ ПЕРЕЗАКЛЮЧЕНИЯ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА

Хоть и не всё, но очень многое в судьбе советского государства зависело от позиции его президента. В то время как «демократы» и «патриоты» сделали ставку на российский центр власти, а несколько периферийных республик взяли курс на независимость, М. Горбачёв искал возможность перехватить инициативу. Цена ошибки в этих условиях была критической.

В 1990 г. союзным центром была принята идея перезаключения Союзного договора, легитимизирующего наиболее разрушительные для СССР тенденции.

Инициатива М. Горбачёва о перезаключении договора не была неизбежной. Никаких правовых оснований для пересмотра договора 1922 г.

не было, ибо он был поглощён советскими конституциями. Борьба за сохранение Прибалтики путём перезаключения соглашений 1940 г., имевших сомнительную легитимность, позволяла предоставить этим республикам особый статус, объяснив возникшую асимметрию Союза последствиями пакта Молотова — Риббентропа, официально осуждённого в декабре 1989 г. Вместо этого М. Горбачёв предпочёл синхронизировать кризисы в отношениях центра с разными республиками, сведя их в единый процесс переговоров, в которых наиболее радикальные противники добивались максимальных прав для всех республик, даже вполне лояльных центру. М. Горбачёв терял пространство для манёвра, так как республиканские элиты теперь выступали единым фронтом. Его попытка опереться на автономии и другие региональные элиты не удалась. В России Б. Ельцин сумел перехватить эту инициативу широкими обещаниями и призывом «брать столько суверенитета, сколько сможете переварить».

Если сама инициатива заключения Союзного договора создавала для СССР смертельную опасность, то проект, выработанный в 1990—1991 гг., был своего рода конституционной реформой, соответствовавшей духу времени. Но срыв принятия новой конституции означает действие старой: её нельзя денонсировать. А денонсация договора — это акт, гарантируемый силами «международного сообщества». Это различие стало очевидно только в 1991 г.

Исследователи обращают внимание на юридические противоречия в проектах союзного договора⁵. Однако историка такие расхождения не должны смущать. Ведь проекты были полем политической борьбы в условиях революционного процесса. Участники переговоров понимали, что завоёвывают позиции для дальнейшего противоборства уже в новых рамках. Для М. Горбачёва на этом этапе было важно заставить все республиканские элиты признать сам факт существования этих рамок единого государства как субъекта международного права. Это лишало «международное сообщество» возможности гарантировать суверенитет советских элит и превращение внутригосударственных проблем и границ СССР в международные. Эта задача переговоров заставляла М. Горбачёва идти на самые серьёзные уступки, соглашаться на конфедеративное государственное устройство, лишь бы было признано существование одного государства на пространстве СССР. Эта цель была достигнута к 23 июля 1991 г., когда договор был готов для подписания. А.С. Барсенков считает, что договор «означал прекращение существования СССР как единого государства». Получается, что от распада СССР мог спасти только ГКЧП. Но даже А.С. Барсенков ниже признаёт, что возможное подписание договора «ещё не означало бы „мгновенного“ исчезновения СССР», а лишь вело бы в этом направлении «при сознательной ликвидации общих управленческих институтов» [1, с. 207]. Но это очень серьёзное допущение.

⁵ См. например: [24, с. 346—354; 1, с. 198—200].

«Сознательная ликвидация» могла произойти, а могла и не произойти. Очевидно, что подписание договора привело бы к усилению власти российских «демократов» в союзных структурах, что делало их заинтересованными в сохранении ослабленного центра. И это ещё при отсутствии спровоцированного ГКЧП парада независимостей и последовавшего за ним радикального преобразования союзных органов.

Сохранение единого государства открывало возможность для дальнейшего урегулирования внутригосударственных проблем именно как таковых. Противоречия договора могли быть сняты в ходе дальнейшей борьбы при выработке Конституции Союза — и не только в пользу республик. Это вызывало опасения у республиканских лидеров, что в полной мере сказалось после ГКЧП. Только формальная ликвидация СССР закрепляла полноту власти республиканских властей, так как с этого момента она гарантировалась «мировым сообществом».

Однако до подписания союзного договора у руководства республик ещё не было возможности упразднить Советский Союз, так как при сохранении союзных силовых структур это позволяло обвинить их в перевороте. Само подписание договора «сняло проблему», означало решение вопроса о форме государства. Дальнейшая борьба уже должна была вестись по новым, согласованным правилам игры.

Такое развитие дел было сорвано событиями, связанными с ГКЧП СССР 19—21 августа 1991 г. После его разгрома, означавшего поражение руководителей союзных ведомств, вся полнота власти в России перешла уже не к М. Горбачёву, а к Б. Ельцину. Республики Прибалтики, воспользовавшись ситуацией, вышли из состава Союза. Этот акт был признан новым, уже коллективным руководством СССР.

ПАРАД НЕЗАВИСИМОСТЕЙ

Несмотря на резкое ослабление союзной власти, со временем ситуация могла измениться и президент СССР мог вернуть себе влияние. Республиканские руководители опасались не только М. Горбачёва, но и победивших в Москве «демократов». Хотя продолжались переговоры о новом союзном договоре, руководители республик всё более склонялись к мысли, что им нужна вся полнота власти, без какого-либо союзного центра.

Национальные кланы номенклатуры окончательно вступили в союз с национальными движениями. Националистически настроенная интеллигенция получила широкий доступ к средствам массовой информации и стала убеждать население в необходимости отделения от СССР. Воздействие СМИ, да ещё и в условиях обострения социально-экономического кризиса, вызванного обстановкой политической неопределённости (экономические субъекты придерживали ресурсы в ожидании того, какое направление примут перемены) привело к стремительным изменениям

в общественном мнении. Особенно резко массовые настроения переменялись на Украине. 1 декабря 1991 г. на референдуме 90% её жителей проголосовало за отделение от СССР.

Так же, как в 1990 г. российское руководство было мотором суверенизации, в конце 1991 г. украинское руководство во главе с Л. Кравчуком было мотором распада СССР. Проведение границы между Москвой и Киевом наносило Союзу тяжелейший удар. Несмотря на тесную культурную связь Л. Кравчука с Западной Украиной, исторически тяготевшей к отделению от Москвы, этот лидер долгое время демонстрировал лояльность к системе СССР. Только в августе 1991 г. он становится в авангард борьбы за «незалежность». Принятие этого исторического решения может объясняться не только национал-демократическими, но и защитно-консервативными мотивами. «Допустив, пусть и кратковременно, колебания по вопросу поддержки и не поддержки ГКЧП, он уже не имел после провала „путча“ другого пути, кроме как стать единственным знаменосцем украинской независимости и национализма» [14, с. 258], — комментирует поведение Л. Кравчука Б.И. Поварницын.

ГКЧП и последовавший за ним контрпереворот сделал Ельцина хозяином центральной части СССР, но цель взятия власти была достигнута ценой «парада независимостей» республик в конце августа 1991 г. С помощью масштабных конституционных уступок М. Горбачёв сумел вернуть и Б. Ельцина, и большинство республиканских лидеров за стол переговоров. Однако российские лидеры опасались искусства аппаратной борьбы М.С. Горбачёв. Он мог вернуть себе влияние, опираясь на противоречия между республиками.

В ходе переговоров в сентябре — ноябре 1991 г. М. Горбачёв достиг значительных успехов. Он сумел фактически дезавуировать «парад независимостей», заставив большинство республиканских лидеров вести переговоры о форме нового государства. Проблема была прежней: будет ли новое образование признано единым (пусть и конфедеративным) государством? М. Горбачёв считал, что Украина будет вынуждена последовать за большинством, опасаясь экономической и политической изоляции. Было важно, за какой альтернативой окажется инициатива: «Вопрос в том, пойдём ли мы вместе с Украиной в этот тупик, или будем вместе вытаскивать её из него» [4, с. 17]. Это зависело от Б. Ельцина. Ещё 29 октября он говорил, что «именно Российская федерация должна сыграть решающую роль по выводу страны из глубокого кризиса...» [3, с. 407]. Речь шла о единой стране. Но всего через два месяца Б. Ельцин «констатировал» исчезновение этой страны. Что изменилось? Свою роль сыграли и опасения по поводу обратимости процесса вытеснения союзного центра, и нежелание региональных элит оказаться в зависимости друг у друга. Лидерство российских реформаторов не устраивало национал-коммунистов так же, как и лидерство М. Горбачёва. Настроение населения России, Белоруссии, Казахстана, да и других республик практически не учитывалось.

Каков был компромисс, предварительно достигнутый 25 ноября? Проект Договора о Союзе Суверенных Государств подчёркивал, что это «конфедеративное демократическое государство, осуществляющее власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники договора». При этом государства, образующие Союз, сохраняют за собой право на самостоятельное решение всех вопросов своего развития...» и даже «являются субъектами международного права». Но эта декларация обесценивается другой нормой: «Союз Суверенных Государств выступает в международных отношениях в качестве суверенного государства, субъекта международного права — преемника Союза Советских Социалистических Республик» [15].

Но в это время процесс переговоров зашёл в тупик, и диалог М. Горбачёва и Б. Ельцина напоминал беседу глухих. По несколько раз они повторяли друг другу одно и то же. М. Горбачёв: «Если мы не создадим союзное государство, я вам прогнозирую беду». Б. Ельцин: «Союз государств!» [29, с. 163—167]. Б. Ельцин надеялся, что союз государств поможет решить две задачи: окончательно избавиться от М. Горбачёва и консервативных союзных структур и в то же время сохранить полноту экономических и внешнеполитических связей с другими республиками, в том числе с Украиной. О своих ощущениях при подписании Беловежского соглашения Б. Ельцин писал так: «Отдавал ли я себе отчёт в том, что, не сохраняя единого правительства в Москве, мы не сохраняем и единую страну? Да, отдавал» [5, с. 151]. Но при этом мотивирует свои действия стремлением «резко усилить центростремительную тенденцию в развалившемся Союзе, стимулировать договорный процесс» [5, с. 152]. Но дело в том, что к этому времени Союз как единая страна ещё де-факто не распался. Для окончательной дезинтеграции нужен был «договорный процесс».

В условиях победы над политическим противником Б. Ельцин предпочёл разрушить единство страны, нежели оставить оппоненту шанс на реванш. Такое соотношение позиций двух политических противников также было результатом стечения обстоятельств. Выборы союзного парламента проходили раньше, чем выборы республиканского. В принципе, могло быть и наоборот, и тогда республиканский парламент, избранный в 1989 г., был бы более консервативным, чем союзный, избранный в 1990 г. В этом случае Б. Ельцин и «демократы» боролись бы за целостность Союза, и исход этой борьбы мог быть принципиально иным. Но история сложилась так, что сторонники Б. Ельцина вступили в тесный союз со сторонниками дезинтеграции СССР.

8 декабря 1991 г., чтобы закрепить свой успех в борьбе за власть, руководители России (Б. Ельцин), Украины (Л. Кравчук) и Белоруссии (С. Шушкевич) встретились в Беловежской пуще. В начале встречи Б. Ельцин передал Л. Кравчуку предложение М. Горбачёва: Украина может внести любые изменения в договор, но всё же подписать его — и заявил, что подпишет

договор только после Л. Кравчука. Тот отказался сделать это. Судьба СССР была решена. Был подготовлен проект Содружества независимых государств (СНГ) — даже не конфедерации, а объединения совершенно самостоятельных стран. «Оказывается, всё можно решать оперативно, если на дороге нет „бревна“, которое называется центр», — заявил Л. Кравчук. Три политика «оперативно» завершили уничтожение СССР, объявив о прекращении соглашения 1922 г. По словам советников Б. Ельцина, договор «фиксировал тот тупик, в который зашёл процесс согласования новой модели Союза» [29, с. 181]. Но в том-то и дело, что сам тупик возник в результате неуступчивости российской и украинской правящих элит.

Б. Ельцин немедленно сообщил о происшедшем Дж. Бушу и заручился обещанием международного признания акта о ликвидации СССР. М. Горбачёв и Н. Назарбаев узнали о происшедшем позднее. 9 декабря М. Горбачёв предложил созвать Съезд народных депутатов СССР для обсуждения вопроса об образовании СНГ.

10 декабря Верховные Советы Украины и Белоруссии ратифицировали соглашение о создании СНГ и денонсировали договор 1922 г. о создании СССР. 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал Соглашение о содружестве независимых государств и денонсировал договор 1922 г. («за» — 188 депутатов, «против» — 6, воздержались — 7), а также постановление о выходе РСФСР из состава СССР («за» — 161, «против» — 3, воздержались — 9). За это решение голосовало не только большинство сторонников Б. Ельцина, но и коммунисты (включая В. Зорькина, в дальнейшем видного деятеля КПРФ), стремившиеся таким образом отстранить реформаторское союзное руководство и лично М. Горбачёва от власти. Депутаты предпочли поверить высказываниям Б. Ельцина о том, что СНГ — это «формула совместной жизни», положившая конец «главному препятствию» «динамичного развития» — союзному центру. Президент России даже обещал сохранить «принцип открытых границ для граждан наших стран» [22, с. 316—317].

Последний шанс сохранить Союз даже в этих условиях предложили протестовавшие против распада СССР «демократы». Выступая на съезде, Н. Травкин от их имени высказался за одновременное принятие и Соглашения о создании СНГ, и Союзного договора [22, с. 318] (разумеется, для этого следовало изъять из Соглашения положения о роспуске СССР). Это предложение не было услышано.

Но даже после решений 12 декабря СССР продолжал существовать — решение о роспуске Союза не приняло большинство республик, оставшихся в его составе. Правомочность Беловежского соглашения могла быть оспорена. Но союзный центр прочно ассоциировался с М. Горбачёвым, а за него никто из республиканских лидеров бороться не хотел.

21 декабря в Алма-Ате руководители 11 республик подписали Декларацию СНГ. Тогда же президент Казахстана Нурсултан Назарбаев торжественно объявил, что Советского Союза более не существует.

25 декабря 1991 г. М. Горбачёв передал власть Ельцину. Выступая с прощальным словом по телевидению, он заявил: «Я твёрдо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны. События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться» [18]. СССР перестал существовать, и над Кремлём был спущен красный флаг Советского Союза. 26 декабря на последнем заседании Совета Республик Верховного Совета СССР была принята декларация, констатирующая прекращение существования Советского Союза как государства и субъекта международного права.

СССР не мог сохраниться в прежнем виде, но единое государство, возможно, под другим названием, не было обречено на гибель. В 1991 г. его судьба висела на волоске. Но этот «волосок» можно было обрезать, а можно было и укреплять. Лидеры, получившие власть в стране в 1991 г., предпочли оборвать утончившуюся нить истории советского государства. Объективные предпосылки распада СССР создавали такую возможность, но не делали её фатальной. Если прежде ещё существовала свобода субъективного выбора, то в декабре 1991 г. процесс дезинтеграции СССР принял необратимый характер.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. 1985—1991. М.: Аспект-пресс, 2002. 367 с.
2. Василевский А., Прибыловский В. Кто есть кто в российской политике. В 3 т. М.: Панорама, 1993. Т. 1. 210 с.
3. Горбачёв — Ельцин: 1500 дней политического противостояния. М.: Терра, 1992. 464 с.
4. Горбачёв М. Декабрь—91. Моя позиция. М.: Новости, 1992. 224 с.
5. Ельцин Б. Записки президента. М.: Огонёк, 1994. 512 с.
6. За народное согласие и российское возрождение. Предвыборная программа блока общественно-патриотических движений России // Россия: издание избирателей и народных депутатов СССР клуба «Россия». № 4, февраль 1990. С. 1—2.
7. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс, 1997. 286 с.
8. Медведев Р.А. Советский Союз: последний год жизни. М.: Права человека, 2003. 333 с.
9. Москва. 1991. № 2. С. 17.
10. Мохов В.П. Региональная политическая элита России. Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. 238 с.
11. Мэтлок Дж. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М.: Рудомино, 2003. 579 с.
12. Население России 1993. Ежегодный демографический доклад. М.: Евразия, 1993. 87 с.
13. Первый съезд народных депутатов СССР. 25 мая — 9 июня 1989 г. Стенографический отчёт. М.: Верховный Совет СССР, 1989. Т. 2. 480 с.

14. Поварницын Б.И. «Национальный коммунизм» как теоретическая модель // Власть и общество в России XIX—XX вв. М.: МГОУ, 2002. С. 280—287.
15. Правда. 27 ноября 1991.
16. Правда Украины. 9 января 1991.
17. Правда Украины. 30 марта 1991.
18. Российская газета. 26 декабря 1991.
19. Россия. Партии, ассоциации, союзы, группы. М.: РАУ-ПРЕСС, 1992. Т. 5. 339 с.
20. Согрин В. Политическая история современной России, 1985—1994: от Горбачёва до Ельцина. М.: Прогресс — Академия, 1994. 192 с.
21. Союз можно было сохранить. М.: АСТ, 2007. 552 с.
22. Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М.С. Горбачёва по реформированию и сохранению многонационального государства. М.: Апрель-85, 1995. 376 с.
23. Суханов Л. Три года с Ельциным. Записки первого помощника. Рига: Вага, 1992. 376 с.
24. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 2000. 398 с.
25. Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. М.: Вече, 2008. 368 с.
26. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977—1985 гг. М.: РОССПЭН, 689 с.
27. Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005. 478 с.
28. Шубин А.В. Преданная демократия: СССР и неформалы. 1986—1989. М.: Европа, 2006. 388 с.
29. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории / Батурин Ю.М., Ильин А.Л., Кадацкий В.Ф., Костиков В.В., Краснов М.А. М.: Вагриус, 2001. 81 с.
30. Smith G. Nationalities policy from Lenin to Gorbachev // The nationalities question in the Soviet Union / ed. by Smith G. London, New York: Longman, 1990. P. 1—20.

REFERENCES

1. Barsenkov A.S. *Vvedenie v sovremennuju rossijskuju istoriju. 1985—1991* [Introduction to contemporary Russian history. 1985—1991]. Moscow, Aspekt-press Publ., 2002, 367 p. (In Russ.)
2. Vasilevskij A., Pribylovskij V. *Kto est' kto v rossijskoj politike. V 3-h tt. T. 1* [Who is who in Russian politics. In 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Panorama Publ., 1993, 210 p. (In Russ.)
3. *Gorbachev — El'cin: 1500 dnej politicheskogo protivostojanija* [Gorbachev — Yeltsin: 1500 days of political confrontation]. Moscow, Terra Publ., 1992, 364 p. (In Russ.)
4. Gorbachev M. *Dekabr' -91. Moja pozicija* [December-91. My position]. Moscow, Novosti Publ., 1992, 224 p. (In Russ.)
5. El'cin B. *Zapiski prezidenta* [President's notes]. Moscow, Ogonek Publ., 1994, 512 p. (In Russ.)
6. "Za narodnoe soglasie i rossijskoe vozrozhdenie". Programma bloka obshhestvenno-patrioticheskikh dvizhenij Rossii [For national agreement and Russian revival. A program of a coalition of social and patriotic movements of Russia]. *Rossija. Izdanie izbiratelej i narodnyh deputatov SSSR kluba "Rossija"*. 1990, February. no. 4, pp. 1—2. (In Russ.)
7. Zdravomyslov A.G. *Mezhnacional'nye konflikty v postsovetском prostranstve* [Ethnic conflicts in the former USSR]. Moscow, Aspekt-press Publ., 1997, 286 p. (In Russ.)
8. Medvedev R.A. *Sovetskij Sojuz: poslednij god zhizni* [The Soviet Union: the last year of life]. Moscow, Prava cheloveka Publ., 2003, 333 p. (In Russ.)

9. *Moskva [Moscow]*. 1991, no. 2, pp. 17. (In Russ.)
10. Mohov V.P. *Regional'naja političeskaja jelita Rossii* [Regional political elite of Russia]. Perm', Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2003, 238 p. (In Russ.)
11. Mjetlok Dzh. *Smert' imperii. Vzgljad amerikanskogo posla na raspad Sovetskogo Sojuza* [Death of the Empire. The opinion of the American ambassador about the collapse of the Soviet Union]. Moscow, Rudomino Publ., 2003, 579 p. (In Russ.)
12. Naselenie Rossii. *Ezhegodnyj demograficheskij doklad*. 1993 [The population of Russia. Annual demographic report]. Moscow, Evrazija Publ., 1993, 87 p. (In Russ.)
13. *Pervyj s'ezd narodnyh deputatov SSSR. 25 maja — 9 ijunja 1989 g. Stenograficheskij otchet*. [The first congress of peoples' deputies]. Moscow, Verhovnyj Sovet SSSR Publ., 1989. T. 2. 480 p. (In Russ.)
14. Povarnicyn B.I. "Nacional'nyj kommunizm" kak teoreticheskaja model' ["National communism" as a theoretical model]. *Vlast' i obshhestvo v Rossii XIX—XX vv.* [Power and society in Russia in the 19th and 20th century]. Moscow, 2002, pp. 280—287. (In Russ.)
15. *Pravda* [Truth]. 1991, 27 November. (In Russ.)
16. *Pravda Ukrainy* [Truth of Ukraine]. 1991, 9 January. (In Russ.)
17. *Pravda Ukrainy* [Truth of Ukraine]. 1991, 30 March. (In Russ.)
18. *Rossijskaja gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. 1991, 26 December. (In Russ.)
19. *Rossija. Partii, associacii, sojuzy, gruppy*. [Russia. Parties, associations, unions, groups]. Moscow, RAU-PRESS Publ., 1992, T. 5, 339 p. (In Russ.)
20. Sogrin V. *Političeskaja istorija sovremennoj Rossii, 1985—1994: ot Gorbachjova do El'cina* [Political history of contemporary Russia, 1985—1994: from Gorbachev until Yeltsin]. Moscow, Progress — Akademija Publ., 1994, 192 p. (In Russ.)
21. *Sojuz možno bylo sohranit'* [The Union could have been saved]. Moscow, AST Publ., 2007, 552 p. (In Russ.)
22. *Sojuz možno bylo sohranit'. Belaja kniga. Dokumenty i fakty o politike M.S. Gorbacheva po reformirovaniju i sohraneniju mnogonacional'nogo gosudarstva* [The Union could have been saved. White book. Documents and facts about politics of M.S. Gorbachev on reforming and preservation of a multinational state]. Moscow, Aprel'-85 Publ., 1995, 376 p. (In Russ.)
23. Suhanov L. *Tri goda s El'ciny'm. Zapiski pervogo pomoshhnika* [Three years with Yeltsin. Notes of the chief assistant]. Riga, Vaga Publ., 1992, 376 p. (In Russ.)
24. Cheshko S.V. *Raspad SSSR: jetnopolitičeskij analiz* [The collapse of the USSR: ethnopolitical analysis]. Moscow, IJeA RAN Publ., 2000, 398 p. (In Russ.)
25. Shubin A.V. *Zolotaja osen', ili Period zastoja* [Indian summer or the period of stagnation]. Moscow, Veche Publ., 2008, 368 p. (In Russ.)
26. Shubin A.V. *Ot "zastoja" k reformam. SSSR v 1977—1985 gg.* [From "stagnation" to reforms. The USSR in 1977—1985]. Moscow, ROSSPEN Publ., 689 p. (In Russ.)
27. Shubin A.V. *Paradoksy perestrojki. Upushhennyj shans SSSR* [Perestroika's paradoxes: a missed opportunity of the USSR]. Moscow, Veche Publ., 2005, 478 p. (In Russ.)
28. Shubin A.V. *Predannaja demokratija: SSSR i neformaly. 1986—1989* [Betrayed democracy: the USSR and informal people. 1986—1989]. Moscow, Evropa Publ., 2006, 388 p. (In Russ.)
29. *Jepoha El'cina. Očerki političeskoj istorii* [The epoch of Yeltsin. Essays of political history]. Moscow, Vagrius Publ., 2001, 815 p. (In Russ.)
30. Smith G. Nationalities policy from Lenin to Gorbachev. *The nationalities question in the Soviet Union.* / ed. by G. Smith. London, New York, Longman Publ., 1990, pp. 1—20. (In Eng.)